

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ*

Л.А. ВОСКОБИТОВА

Проблема построения теории социальных технологий затрагивает вопросы, весьма актуальные и для юридической науки и для практики. Особенно близка проблематика социальной технологии процессуальным наукам, в частности, уголовному судопроизводству.

Сам факт существования такого специфического вида государственной деятельности, как уголовное судопроизводство, вызван необходимостью реагирования государства на совершенное преступление¹. Это обусловлено пониманием преступления как деяния, запрещенного уголовным законом под страхом наказания. Государство становится актором созданной им самим закономерности: во-первых, только государство в лице своей законодательной власти правомочно определять, что преступно, а что нет, и устанавливать меру ответственности и наказания за каждый вид преступления. Без указания в законе нет преступления (ст. 3 и ч. 1 ст. 9 УК РФ). Во-вторых, установив уголовно-правовые запреты, только государство несет публичное обязательство реагировать на каждое совершенное преступление определенным образом: своевременно выявлять преступления, осуществлять государственно-публичную деятельность по его раскрытию и расследованию, а затем рассматривать и разрешать в суде вопрос о доказанности вины конкретного лица, о мере и степени его ответственности (квалификация деяния по УК РФ) и наказания (применение санкции соответствующей статьи с учетом общих правил назначения наказания, установленных Общей частью УК РФ). В-третьих, исполнение наказания, установленного судом, как мера воздействия на поведение осужденного (частная превенция) и на социальные отношения в целом (общая превенция) — это тоже прерогатива государства, которая реализуется через систему специальных органов исполнительной власти.

Последовательность перечисленных шагов государства уже сама по себе технологична, однако термин «технология» применительно к этой сфере деятельности государства, пока еще не определен юридической наукой; он не используется в законе и не употребляется в практике. Традиционно единственным регулятором практики признается закон. Между тем, появление в 2002 г. УПК РФ, нацеленного на создание современной модели уголовного судопроизводства, отве-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках проектной части государственного задания на выполнение НИР по проекту 942.

чающей Конституции РФ и международным стандартам обеспечения прав человека, само по себе не только не обеспечило существенного улучшения практики уголовного судопроизводства, но за годы действия этого закона нельзя выделить ни одного этапа, когда бы практика выполняла предписания закона беспрекословно и точно. Постепенно приходит осознание, что любой закон должен сопровождаться еще и соответствующими ему социальными технологиями, позволяющими преобразовывать норму закона в реальную практику. Для уголовно-процессуального закона это особенно актуально, потому что по своей природе судебный процесс — это активная социальная практика, нацеленная на преобразование противоправного поведения в правомерное, на исправление как самого поведения людей, так и последствий их поведения. Не случайно И.Т. Касавин, считая социальные технологии своеобразной «профессиональной трудовой деятельностью», относит к их числу и судебный процесс².

Под технологией в уголовном судопроизводстве очевидно следует понимать определенную и последовательную совокупность не только процессуальных действий и решений, прямо предписанных законом, но и совокупность множества иных приемов, способов, методов и форм осуществления уголовного судопроизводства в реальной практике. Технология уголовного судопроизводства — это такая организация и осуществление деятельности, которые способны обеспечить в реальной практике реализацию и достижение социально-правового назначения уголовного судопроизводства. В настоящий момент обсуждается вопрос о необходимости разработки современной целостной концепции политики государства в сфере борьбы с преступностью, включая и уголовное судопроизводство. Эта концепция не может обойти вниманием и проблему социальных технологий, способных перевести политические декларации в реальную и результативную социальную практику. Здесь нельзя не учитывать накопленный опыт осмысления назначения уголовного судопроизводства и поиска его наиболее оптимальной модели.

Европейская цивилизация в процессе своего исторического развития выработала два подхода к созданию технологии уголовного судопроизводства.

Один из исторически сложившихся подходов к выработке и пониманию социального назначения уголовного судопроизводства обусловлен пониманием последнего как исключительно публичной деятельности, где государству принадлежит исключительная, ведущая роль³. Государство по своей инициативе, «ex officio» возбуждает уголовное судопроизводство всякий раз, когда поступает сообщение или иным способом выявляется преступление. Государство в лице органов расследования обязано устанавливать все юридически значимые обстоятельства дела так, как они имели место в реальной

действительности, чтобы правильно применить уголовно-правовую норму к реально совершенному преступлению. Государство в лице судебной власти несет ответственность перед обществом за справедливость правосудия в целом и за законность, обоснованность, справедливость принятого решения, в частности. Такой подход диктует свои параметры технологии уголовного судопроизводства.

Второй подход к пониманию социального назначения уголовного судопроизводства исходит из представления о преступлении как о деянии, затрагивающем чей-то частный интерес⁴, и роль государства состоит лишь в обеспечении заинтересованному субъекту возможности защиты этого нарушенного интереса средствами государственного могущества. При таком подходе характеристика технологии уголовного судопроизводства уже принципиально иная. Судопроизводство возбуждается по технологии, присущей исковому производству, когда преимущественно потерпевшая сторона инициирует начало этого производства. В современных условиях это делают от имени или в пользу потерпевшей стороны специальные органы обвинения, но это не меняет исковой сути процесса. Стороны играют активную роль в формировании обвинения, когда его содержание и объем соотносится не с тем, **что** совершено в реальности, а с тем, **что** сторона способна убедительно и вне разумных сомнений доказать перед судом. Признание виновным своей вины существенно сокращает всю цепочку технологического процесса судопроизводства, позволяя суду, проверив добровольность признания, ограничиться только признанным объемом обвинения, если вторая сторона его не оспаривает. Вопросы применения права — квалификация деяния, вид и размер наказания — обусловлены только признанной частью обвинения.

В тех случаях, когда признания подсудимым своей вины не происходит, осуществляется полномасштабное судебное разбирательство с активным доказыванием сторонами всех элементов обвинения. Суд принимает решение исходя из тех доказательств, которые были представлены сторонами, прошли достаточно жесткую проверку на их достоверность в состязательном судебном следствии с применением специальных технологий прямого и перекрестного исследования каждого из них противоборствующими сторонами⁵. При этом «доказанное» в суде преступление может быть всего лишь «юридической фикцией», которая признается как юридически доказанная и установленная судом. В реальности деяние может иметь другие характеристики, порой существенно отличающиеся от описанных в судебном решении. Однако такой приговор признается юридически законным и обоснованным. Все разумные сомнения толкуются в пользу обвиняемого, что позволяет суду сужать обвинение до пределов лишь доказанного стороной обвинения, вплоть до признания обвинения недоказанным и оправдания подсудимого. Такой подход

породил особую частную технологию «сделки о признании вины», отвечающую интересам сторон и существенно упрощающую публично-правовую деятельность суда. В силу этого «сделка» получает широкое распространение в уголовном судопроизводстве стран, признающих «теорию уголовного иска».

Следует признать, что ни один из названных подходов к пониманию и выработке социального назначения и соответствующей ему технологии уголовного судопроизводства не является в современных условиях идеальным, обладающим бесспорными и принципиальными преимуществами. У каждого подхода есть свои плюсы и минусы. Советский подход, ориентированный на исключительно публичный характер общественных отношений в уголовном судопроизводстве, явно не учитывал проблематики обеспечения прав человека. Несмотря на наличие довольно демократических норм, устанавливающих процессуальные права участников уголовного процесса, доминирование публичных интересов быстрого и полного раскрытия преступления, неотвратимости наказания, поиска истины, которая должна была быть единой для дознавателя, следователя, прокурора и суда, приводило к нивелированию прав личности, частных интересов человека, вовлекаемого в процесс. При конфликте интересов государства и человека приоритет всегда и безусловно отдавался публичным интересам. Поэтому технология советского уголовного судопроизводства не адекватна изменившимся общественным отношениям. Все попытки реанимировать тот или иной институт советского уголовного процесса не согласуются с новыми общественными отношениями⁶ и не могут быть использованы в современной технологии этой деятельности.

Из принципиально новых положений УПК РФ могла бы развиваться более удачная технология современного уголовного судопроизводства, но этого не случилось. Причинами того стали многочисленные погрешности УПК РФ в юридической технике, наличие в нем противоречивых институтов, недостаточно четкое и последовательное регулирование именно технологических новелл, расширяющих процессуальные возможности человека по отстаиванию своих прав и защите их от нарушений со стороны органов и должностных лиц государства. Критическое отношение к данному закону не позволило перевести его положения на уровень технологии, применяемой практикой. В последующие годы уголовно-процессуальное законодательство, многократно и существенно, но вместе с тем непоследовательно и бессистемно изменяется⁷, становясь, к сожалению, все более и более не соответствующим потребностям современных общественных отношений⁸.

Следует признать, что ни в нашей собственной истории, ни в зарубежном опыте невозможно найти и взять в готовом виде ту или иную технологию уголовного судопроизводства и перенести ее в

наше государство. Поэтому уголовное судопроизводство в современной России, переживающее не лучшие времена, не может получить готовую к применению технологию и должно приступить к ее созданию. Такая технология должна быть оптимально адекватной как традиционной для нас публично-правовой природе реагирования государства на совершенное преступление, так и принципиально новому состоянию общественных отношений, когда государство впервые на конституционном уровне признало, что права человека являются высшей ценностью и обеспечиваются государством (ст. 2, 18 Конституции РФ), а судебная власть и правосудие становятся единственными эффективными средствами их защиты (ст. 46, 52, 118 Конституции РФ).

Главной проблемой при создании современной технологии уголовного судопроизводства становится столкновение и пересечение публичных интересов государства при реагировании на совершенное преступление и прав и свобод человека, вовлекаемого в той или иной процессуальной роли в уголовное судопроизводство. У такого состояния есть несколько объективных и субъективных причин, в том числе и тех, которые напрямую связаны собственно с политикой государства в области уголовного судопроизводства соответствующим или не соответствующим политике законодательством, а также теми «стихийными технологиями», которые формируются в современной практике. При этом постепенно становится очевидным, что технология реализации предписаний закона в практике уголовного судопроизводства оказывается значительно шире, чем сами предписания закона. Эта технология в значительной мере обусловлена проявлениями политической воли, на которую ориентированы руководители всех высших органов, включенных в реализацию уголовного судопроизводства. Если политическая воля выражена невнятно или вообще не выражена, ведомства руководствуются исключительно своими узковедомственными интересами, формируя соответствующую практику данного ведомства. В последние годы мы можем, например, наблюдать противоречия, а порой открытое противостояние между Следственным комитетом РФ и Прокуратурой РФ⁹, что не может не отражаться на результатах их уголовно-процессуальной деятельности, а также на авторитете самих этих органов. Это разрушает единую технологию и целостность уголовного судопроизводства, что не позволяет эффективно решать стоящие перед ним публичные задачи.

Технология уголовного судопроизводства охватывает и более широкий пласт управления поведением исполнителей закона, включающий не только формально правильное следование предписаниям закона, но и более сложные и неформализованные отношения «руководство — подчинение» внутри органов, осуществляющих судопроизводство. Например, следователь по закону предполагается

относительно самостоятельным в своей процессуальной деятельности и решении стоящих перед ним задач. Фактически же он оказывается в системе жесткой иерархии стоящих над ним начальников и руководителей, обязывающих его согласовывать каждое действие и решение с ними, тогда как сами они имеют различные механизмы неформального давления на следователя. Это способно лишить его возможности реализовать собственное мнение относительно получаемых результатов расследования и перспективы уголовного дела. В этом ряду оказываются такие противоречащие праву «анти-технологии», как возбуждение «заказных уголовных дел», все более широкое использование в практике провокаций, стремление получить любой ценой согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, чтобы избежать состязательного судебного следствия и критики защитой явно недостаточных и спорных доказательств¹⁰. Технология уголовного судопроизводства охватывает и особенности психологии, навыки поведения профессиональных участников процесса при остро конфликтных, провокационных действиях некоторых участников, при необходимости выстраивания взаимоотношений «власти-подчинения», когда граждане требуют обеспечения или соблюдения их прав и т.п.

Существенное влияние на формирование технологии уголовного судопроизводства оказывает такой совершенно не правовой и тем более не процессуальный фактор, как судебная статистика¹¹. Она начинает доминировать в числе регуляторов поведения профессиональных акторов уголовно-процессуальной деятельности, и существенно влияет на результаты, приводя к явному противоречию их публичному предназначению данной деятельности. Например, уже неоднократно отмечалось в процессуальной литературе о сложившейся в последние 5 — 7 лет деформации практики прекращения уголовных дел¹². Ежегодно порядка 200 тысяч уголовных дел прекращаются судами, тогда как основания для их прекращения в большинстве случаев известны уже в досудебном производстве. Но следователи, дознаватели и прокуроры, вопреки законодательному регулированию, не прекращают дела, а направляют их в суд, ориентируясь на показатели, установленные в ведомственной статистике. Именно статистика и сориентированная на нее практика установили в качестве приоритетного показатель количества дел, направленных в суд, и не рассматривают в качестве позитивного такой показатель работы следователя, как количество прекращенных им уголовных дел. И несмотря на очевидное противоречие такой практики закону и здравому смыслу, сложившаяся стихийно технология расследования устанавливает стандарты, в силу которых следователь даже при наличии оснований для прекращения дела, тем не менее, направляет его в суд. И руководители следственных органов, и прокуроры, да и суды соглашаются с этим и даже не пытаются изменить ситуацию.

Современным вызовом, требующим привлечь внимание не только к развитию уголовно-процессуального законодательства, но и к разработке научных основ технологии уголовного судопроизводства, является ряд положений Конституции РФ, определяющих вектор развития общественных отношений в целом и уголовно-процессуальных в частности. Прежде всего, это положение ст. 10 Конституции о разделении властей, в силу чего судебная власть приобретает в уголовном судопроизводстве исключительные функции: а) разрешения материально-правовых конфликтов, возникающих в социальных отношениях людей и юридических лиц; б) судебного контроля, в том числе и в досудебном производстве по уголовному делу как особого судебно-правового средства самоограничения государства правом, необходимость которого вытекает из ст. 45, 46, 52 и др. Конституции. Сегодня судебная власть не может быть поставлена в один ряд со следствием и прокуратурой, на нее недопустимо перекладывать функции обвинения и тем более возлагать на суд обязанность восполнять недостатки расследования и государственного обвинения.

Другим конституционным фактором, влияющим на выработку технологии уголовного судопроизводства становится признание верховенства права, в силу чего закон перестает быть единственным и основным источником уголовно-процессуального права. Он получает качественно новую характеристику в силу того, что не должен противоречить общепризнанным нормам и принципам международного права или международным договорам, ратифицированным РФ (ст. 1, 15 Конституции, ст. 1 УПК РФ). Развитие идеи верховенства права непосредственно связано и с признанием прав человека высшей ценностью, установлением обязанности государства по их обеспечению (ст. 2, 18 Конституции). Все это порождает необходимость не формального, а содержательного применения уголовно-процессуальных норм в их полном объеме с учетом баланса как публичных интересов, так и прав человека в уголовном судопроизводстве. И это также требует новых подходов к организации и осуществлению практики уголовного судопроизводства, взгляда на нее как на специфическую социальную технологию, обеспечивающую решение не только собственно правовых задач, но и более широкого спектра социальных проблем.

В связи с этим очень продуктивным является взгляд Г.Л. Тульчинского (см. статью «Социальные технологии и знание») на необходимость целостного подхода к социуму, на изменение отношения к роли, месту в нем человека. При таком подходе технология уголовного судопроизводства не может нацеливаться на достижение только собственных, нередко узковедомственных результатов. Она должна формироваться как неотъемлемая часть целостных социальных отношений, и соответственно нацеливаться на достижение более широ-

кого социального результата, например, общее снижение уровня преступности и противоправного поведения, оздоровление социальных отношений и повышение уровня безопасности населения, укрепление доверия к правоохранительным органам и судебной власти, повышение авторитета государства в целом. В этом контексте с качеством технологии уголовного судопроизводства тесно связаны проблемы социальной напряженности, порождаемые неправомерными действиями правоохранительных органов или несправедливыми решениями суда; и проблемы не формального, а реального соблюдения прав человека в деятельности этих органов. Весьма остро стоит и проблема сокращения мер государственной репрессии и принуждения в области уголовного судопроизводства и замена их восстановительными технологиями и примирительными процедурами. Например, преступления небольшой и средней тяжести составляют более 70% дел, рассматриваемых судами в первой инстанции. Многие из таких дел при современной технологии уголовного судопроизводства вообще не должны доходить до суда и разрешаться посредством примирительных процедур еще на стадии расследования. Применение таких восстановительных технологий способно существенно оздоровить социальные отношения как в местных сообществах, так и в государстве в целом. Особые технологии необходимы и при производстве по делам несовершеннолетних, где также должны преобладать восстановительные, а не карательные технологии.

Разработка и теоретическое осмысление новой для уголовного судопроизводства категории «технологии», а также формирование технологических подходов к совершенствованию практики требует объединения усилий не только юридических наук, но и других социальных наук, в том числе философии, психологии, социологии и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стойко Н.Г. Современная уголовная политика и уголовный процесс: стратегический подход и его реализация //Библиотека криминалиста. 2014. № 3 (14). С. 291.

² Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Альфа-М, 2013. С. 371.

³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М.: Наука, 1968. С. 136.

⁴ Первоначально этот подход возник в Англии и английский юрист Д. Стифен определял уголовный процесс как «спор двух сторон», который разрешался при посредничестве суда (см.: Стифен Д. Уголовное судопроизводство вообще, английское в особенности, изложенное сравнительно с шотландским и французским. – СПб., 1864; Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовного судопроизводства: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб., 1995).

⁵ См.: *Гаррис Р.* Школа адвокатуры. Руководство к ведению гражданских и уголовных дел / пер. П. Сергеича. – СПб., 1911; *Александров А.С., Гришин С.П.* Перекрестный допрос: учебно-практическое пособие. – М.: ТК Велби; Проспект, 2005.

⁶ Показательна в этом отношении широкая научная дискуссия по вопросу о целесообразности закрепления в современном УПК РФ принципа объективной истины (см. рубрику «Дискуссионная трибуна» в: «Библиотека криминалиста». 2012. № 4 (5). С. 5 – 288).

⁷ По признанию депутата Государственной Думы, профессора Т.Н. Москальковой за период с 2002 по 2014 гг. Дума внесла в УПК РФ 2664 изменения путем принятия 148 Федеральных законов. (см. выступление Т.Н. Москальковой на научно-практической конференции в Академии Управления МВД России 9 апреля 2014 г.).

⁸ *Смирнова И.Г.* К вопросу о некоторых тенденциях развития уголовно-процессуальной политики: заметки на полях // Библиотека криминалиста. 2014. № 3 (14). С. 285.

⁹ См.: *Багмет А.М., Цветков Ю.А.* Товарно-информационная концепция коммуникации следствия и суда // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 9; *Багмет А.М.* К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 27.

¹⁰ Количество таких дел, рассмотренных судом в особом порядке, т.е. без исследования доказательств в состязательном судебном следствии, в связи с согласием подсудимого с предъявленным ему обвинением составляет более 60%.

¹¹ На это многократно указывал в своих публикациях профессор Б.Я. Гаврилов (см.: *Гаврилов Б.Я.* Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 9).

¹² Более подробно см.: *Воскобитова Л.А.* Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 3.

REFERENCES

Aleksandrov A.S., Grichin S.P. *Perekrestniy dopros: uchebno-prakticheskoe posobie.* Moskva: Velbi, Prospekt, 2005.

Bagmet A.M., Tsvetkov U.A. *Tovarno-informacionnaya koncepciya kommunikacii sledstviya i suda* // Biblioteka kriminalista. 2014. № 1. С. 9.

Bagmet A.M. *K voprosu o sovershenstvovanii stadii vozbujdeniya ugovnogo dela* // Biblioteka kriminalista. 2014. № 1. S. 27.

Gavrilov B.I. *Realii i mifi vozbujdenia ugovnogo dela* // Ugolovnoe sudoproisvodstvo. 2010. № 2. S. 9.

Kasavin I.T. *Socialnaya epistemologiya. Fundamentalnie i prikladnie problemi.* Moskva: Alfa-M, 2013.

Chelcov-Bebutov M.A. *Kurs ugovnogo sudoproisvodstva: Ocherki po istorii suda v rabovladelcheskich, feodalnich i burjuaznich gosudarstvach.* Sankt-Peterburg, 1995.

Garris R. *Schkola advokaturi. Rukovodstvo k vedeniyu grajdanskich i ugovnich del.* Sankt-Peterburg, 1911.

Smirnova I.G. *K voprosu o nekotorych tendencyach ugovno-processualnoy politiki: zametki na polach* // Biblioteka kriminalista. 2014. № 3 (14). С. 285.

Stifen D. Ugolovnoe sudoproizvodstvo voobcheangliiskoe v osobennosti izlozhennoe sravnitelno s shotlandskim i francuzskim. Sankt-Peterburg, 1864.

Stoiko N.G. Sovremennaya ugovovnaya politika i ugovolnii proces: strategicheskij podhod i ego realizacia // Biblioteka kriminalista. 2014. № 3 (14). S. 291.

Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo prosessa. T. 1. Moskva: Nauka, 1968. S. 136.

Voskobitova L.A. Vozbuzdenie i prekrashenie ugovolnogo dela: analiz sledstvennoi praktiki // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2010. № 2. S. 3.

Аннотация

В статье ставится проблема необходимости технологизации уголовного судопроизводства. Традиционные формы и способы реагирования государства на преступление уже не отвечают современным социальным отношениям. Правовое регулирование этой специфической деятельности государства становится недостаточным в силу сложности и многоаспектности возникающих в судопроизводстве общественных отношений. Требуется разработка более широкого понятия «технологии» уголовного судопроизводства, которое может обеспечить более результативно перевод предписаний закона в реальную практику для достижения уголовным судопроизводством значимых социальных результатов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, государство, преступление, социальная технология, практика, совершенствование, социально значимые результаты.

Summary

This article raises the problem of the need to technologize criminal proceedings. Traditional forms and ways of state response to crime are inadequate to modern social relations. Legal regulation of this specific state activity is no longer sufficient because of the complexity and diversity arising in the proceedings of public relations. A broader concept of criminal proceedings «technology» is required, which can provide for more efficient application of legal provisions in the actual practice of criminal justice to achieve substantial social outcomes.

Keywords:

Criminal proceedings, state, crime, social technology, practice, improvement, socially significant results.